

В этот момент лампа на потолке внезапно погасла.

Единственным источником света осталось тусклое зеленоватое свечение у двери.

Ци Уго посмотрел туда: коридор снаружи полностью утопал в этом зловещем зеленом свете, источая неземную, потустороннюю атмосферу.

Чжэн Хуа и У Вэй у двери, как Ци Уго и предполагал, ударились о косяк так сильно, что их и без того потрепанные тела рассыпались на куски, а скелеты разлетелись по полу.

У двух до неузнаваемости изуродованных мертвецов кости ног были полностью переломаны, и от нижней половины тел осталась лишь лоскутная кожа, прилипшая к полу.

Они вдвоем втащили себя внутрь, опираясь на руки, их движения были неестественными, искривленными и медленными.

Чжэн Хуа даже приподнял голову, являя миру свое поистине неприглядное лицо. В результате столкновения при автокатастрофе его лоб полностью вмялся внутрь, напоминая сдутый футбольный мяч.

Он ухмыльнулся Ци Уго:

— Мы пришли составить тебе компанию.

Ци Уго отвел взгляд, ему совсем не хотелось созерцать столь безрадостную картину. Его взор упал на Талисман, и в мыслях крутилась лишь одна надежда: только бы этот Талисман не оказался пустышкой.

В тот самый момент, когда Чжэн Хуа и У Вэй подползли еще ближе, и руки с мертвенно-бледными костями, выглядывающими из разорванной плоти, уже почти коснулись Ци Уго...

Талисман на столе вспыхнул. Темно-красный свет мгновенно хлынул наружу, перекрывая зеленое сияние и устремляясь волной в сторону двух мертвецов.

У Вэй резко отдернул руку. Он поднял голову, и выражение его лица стало еще более искаженным.

— Ты... это явно ты... велел нам вернуться...

Возможно, из-за удара при аварии губы У Вэя были наполовину срезаны, и говорил он несколько невнятно.

— А вот и нет, эту штуку ведь ты сам по собственной воле добавил? — Ци Уго выразил на лице легкое презрение. — С такой твоей неприглядной физиономией — извиняй, но я наотрез отказываюсь.

У Вэй, услышав это, казалось, пришел в ярость, и даже то жалкое, растерзанное тело не смогло сдержать вспыхнувшего гнева.

Он бросился на Ци Уго, и вмиг его руки оказались прямо у горла парня.

В критический момент красный свет Талисмана вспыхнул с новой силой, бурлящим потоком заполнив всю комнату.

— А-а-а! —

В тот же миг, как У Вэй погрузился в багровое сияние, он издал пронзительный вопль, словно испытывая невыносимую муку.

Вслед за его криками окровавленное, изуродованное тело постепенно растворялось в красном свете.

То же самое происходило и с Чжэн Хуа, замершим позади него.

Когда багровый свет рассеялся, общежитие снова погрузилось в крошечную тьму: ни зловещего зеленого сияния, ни изуродованных призраков.

Царила абсолютная тишина.

А затем лампа над головой Ци Уго пару раз моргнула и зажглась снова.

Ци Уго подошел к балкону и, убедившись, что белый фургон внизу тоже исчез, только после этого вернулся к письменному столу.

Талисман на столе превратился в горстку пепла, однако на сердце у Ци Уго не было особого облегчения.

Игра еще не закончилась.

Он все еще находился в этой ветхой комнате, а это значило, что Чжэн Хуа и У Вэй и впрямь оказались всего лишь парочкой мелких боссов.

Главный босс по-прежнему где-то затаился и ждет, когда сможет забрать его жизнь.

Дуань Ли.

Ци Уго опустил глаза, глядя на потрепанную книгу.

Этот Талисман действительно не смог отправить Дуань Ли прочь. Как и говорилось в книге, после проведения ритуала шанс пожалеть о содеянном дается лишь единожды, к тому же, если в момент проведения обряда одержимость слишком сильна, это заклинание возврата не сработает.

Учитывая то безумие, что сквозило в дневнике, было вполне закономерно, что Талисман не сумел убрать Дуань Ли.

Ци Уго откинулся на спинку стула и тяжело вздохнул.

Стоит признать, до этого он все же тешил себя определенными надеждами на удачу — а вдруг с помощью того Талисмана удастся пройти уровень?

— Этот тьюториальный уровень просто издевательство, его цель — отправить новичков на тот свет? — он закрыл лицо руками и сокрушенно вздохнул.

Раздался телефонный звонок.

Ци Уго протянул руку, взял трубку и, даже не глядя на экран, понял, кто это:

— Дуань Ли.

На том конце провода снова тихонько усмехнулись, совсем не похоже на то, как Дуань Ли вел себя последние дни, напоминая ледяную глыбу.

— Ты отлично справился...

У Ци Уго сейчас не было другого выхода, и он с видом человека, которому уже нечего терять, спросил:

— Где ты?

Голос Дуань Ли звучал зыбко, казалось, одновременно очень далеко и совсем близко:

— Не переживай, я все время рядом с тобой, смотрю на тебя.

Его слова только затихли.

Кап-кап... Кап-кап...

Знакомый звук капель воды раздался вновь. Ци Уго поднялся на ноги, и его взгляд упал на собственную кровать.

Звук капель, слова Дуань Ли о том, что он наблюдает, и кровь на постельном пологе в тот день.

Ци Уго глубоко вздохнул, сделал несколько шагов вперед и положил руку на занавеску кровати.

Резким рывком он сорвал весь полог вместе с противомоскитной сеткой.

Ничего необычного не обнаружилось. Когда занавески упали, пространство вокруг внезапно показалось чуть более просторным, и даже свет лампы стал казаться немного ярче.

Ци Уго вздохнул и поднял скетчбук, который ранее небрежно бросил на кровать.

Набросок Дуань Ли на странице все еще состоял лишь из тех контуров, что были начертаны днем. Ци Уго замер, зачарованно глядя на рисунок.

Если подумать, он и сам находил себя довольно странным: в такой момент, когда решается вопрос жизни и смерти, у него находилось время разглядывать эту картину.

На самом деле Ци Уго не испытывал особого страха перед смертью. Он считал, что смерть — это всего лишь новое начало, и эта мысль казалась ему столь же непреложной истиной, как восход и закат солнца.

Конечно, умирать ему совершенно не хотелось, и причина была проста. В силу какого-то необъяснимого предчувствия он был уверен: стоит ему погибнуть в этом непонятном месте, как хорошая жизнь, судя по всему, подойдет к концу.

Ладно, стоять здесь столбом сейчас все равно бесполезно, лучше сначала лечь поспать.

В Ци Уго снова проснулась его врожденная лень, и он, больше не медля, сразу залез на кровать и прилег.

Он был вовсе не из тех главных героев игр, что не могут уснуть при малейшем источнике света; даже когда уличные фонари за окном вернулись в привычный режим и бесцеремонно залили комнату светом, Ци Уго очень быстро погрузился в сон.

Шло ли много времени, или нет — Ци Уго услышал, как у самого его уха раздался вздох.

Вздох был легким, но прозвучал так, будто в его ушной раковине разорвался раскат грома, мгновенно вырвав парня из глубин крепкого сна.

Ци Уго в тот момент еще думал, что ему снится сон, и уже собирался перевернуться на другой бок, чтобы спать дальше, как вдруг ощутил странное тепло у щеки.

Будто теплая капля воды упала ему на лицо. Ци Уго машинально провел рукой по коже, и ощущение от прикосновения заставило его окончательно проснуться.

Подобная липкая текстура показалась Ци Уго подозрительной, и он, еще толком не придя в себя, поднес пальцы к носу и принялся.

Тут же весь его сон улетучился неведь куда, и он полностью пришел в себя.

Это была чистой воды кровь!

А он-то гадал, почему сегодня все было так тихо и обошлось без капающих звуков. Все дело в том, что после того, как он сорвал полог, эта кровь капала прямо на постель и на него самого, и конечно же, никаких звуков не издавала.

Ци Уго не открывал глаз, чувствуя, что ему необходимо морально подготовиться.

Только что в общежитии и впрямь не было ничего странного, просто Ци Уго вспомнил кое-какие сведения о лютых призраках, прочитанные в книгах по фольклору.

Некоторые призраки и демоны не могут являться где угодно и когда угодно. Они показываются в своем истинном обличии лишь в определенное время и в определенных условиях.

Если поразмыслить, звуки капель воды в эти ночи раздавались в строго фиксированное время, причем исключительно тогда, когда Ци Уго ложился в постель и вокруг царила кромешная тьма.

Время и обстановка тогда не совпадали, поэтому сразу после того, как он сорвал занавеску, ничего и не обнаружилось.

Ци Уго глубоко вздохнул, убедившись, что сможет стоически принять любое, сколь угодно жуткое и неэстетичное зрелище, какое бы ни предстало перед его глазами, и только после этого открыл глаза.

Да, Ци Уго боялся не того, что увидит жуткую картину, а того, что безупречное лицо Дуань Ли окажется испорченным до неузнаваемости.

Больше всего на свете Ци Уго страшился вида разрушающейся на глазах красоты.

— ... —

Ци Уго замер. Вовсе не потому, что увиденное оказалось слишком ужасным — напротив, это зрелище неожиданно глубоко потрясло его душу.

Знакомый и в то же время чужой человек предстал перед ним.

Лицо Дуань Ли по-прежнему оставалось чистым и прекрасным. Он лежал с закрытыми глазами, на его лице не отражалось никаких эмоций, напоминая безупречную статую.

На нем была та же одежда, в которой он покидал общежитие в первый день, но теперь она не выглядела чистой — всюду пестрели бурые пятна. Кровь уже засохла, превратившись в темно-коричневые разводы, которые отчасти напоминали распустившиеся цветы, вышитые на ткани.

На открытых участках тела во многих местах виднелись аккуратные стежки черных нитей. Казалось, будто его тело сначала разбилось на бесчисленные осколки, после чего искусный бальзамировщик тщательно сшил все куски воедино.

Эти черные нити тянулись вверх, уходя в потолок, и прочно подвешивали Дуань Ли, словно марионетку, в пространстве между потолком и краем кровати.

Белоснежный потолок теперь был сплошь усыпан крупными темно-красными цветами — это цветы смерти, распустившиеся из крови Дуань Ли.

Это было красиво.

Потрясенный столь мощным эстетическим ударом, Ци Уго хранил молчание.

Вот почему Дуань Ли говорил, что все время наблюдает за ним; вот почему по ночам раздавался стук капель; и вот почему Ци Уго не мог обнаружить следов Дуань Ли в общежитии.

Длинные ресницы Дуань Ли едва заметно дрогнули, и он открыл глаза.

Его глаза по-прежнему были контрастно-черно-белыми, как кусок нетающего льда.

— Ты нашел меня.

Дуань Ли заговорил.

Ци Уго так и лежал неподвижно, не отвечая ни слова, да он попросту не знал, что сказать.

Никакого страха он не испытывал; его молчание было вызвано исключительно потрясением от этой зловещей красоты. В душе Ци Уго что-то рвалось наружу, и ему нестерпимо хотелось написать картину с Дуань Ли.

— Ты такой умный, в качестве награды...

Тонкие черные нити, опутывающие тело Дуань Ли, начали медленно удлиняться, опуская его сверху.

Расстояние между ними сокращалось, пока наконец лицо Дуань Ли не оказалось всего в десятке сантиметров от лица Ци Уго.

Дуань Ли по-прежнему висел в воздухе на черных нитях, и теперь, на таком близком расстоянии, Ци Уго мог разглядеть еще больше деталей.

Его тело действительно некогда распалось на множество частей, и, пожалуй, без этих черных нитей оно бы в тот же миг рассыпалось грудой мертвой плоти.

Заметив, что взгляд Ци Уго прикован к нему, Дуань Ли едва заметно улыбнулся:

— Испугался? Для человека, погибшего в авиакатастрофе, вполне обычно распасться на несколько частей.

Ци Уго наблюдал за движениями Дуань Ли — такими же механическими и лишенными естественности, словно им управляли невидимые струны.

И лишь то лицо оставалось прежним: холодным и прекрасным.

Кожа имела неестественный оттенок: в мертвенной белизне проступала синева — цвет, присущий лишь тем, кто уже какое-то время пребывает на том свете. Это придавало его и без того чересчур правильным чертам лица нечто нечеловеческое, красоту иного мира.

— Эти нити? — спросил Ци Уго.

Дуань Ли, похоже, не ожидал подобного вопроса, но ответил:

— Без этих нитей я не могу управлять собственным телом.

Дистанция между ними сократилась еще на пару сантиметров.

Капля крови упала прямо на губы Ци Уго.

Кровь сочилась из груди Дуань Ли; рана там выглядела смертельной — судя по всему, во время крушения самолета летевший обломок рассек ему грудную клетку и пронзил сердце.

Неудивительно, что его выражение лица было столь безмятежным: мгновенная смерть не принесла слишком сильных мук, — подумалось Ци Уго.

Дуань Ли произнес:

— Давай сделаем так: я заберу тебя с собой, и ты вечно будешь со мной, хорошо?

<http://bllate.org/book/26185/3134792>